

ДИАЛОГ О... СПОРАХ

В Морском государственном университете (МГУ) им. адмирала Г.И. Невельского (Владивосток) состоялась первая международная научно-практическая конференция «Неправильный диалог о территориальных спорах в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Конференция проводилась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и в рамках долгосрочного проекта «XXI век: развитие и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе без территориальных споров».

Конференция была интересна и по форме, и по замыслу ее организаторов, и с точки зрения содержания докладов и выступлений. Соблюдая корректность по отношению к участникам конференции и читателям, которые способны сами сделать соответствующие выводы, авторы постарались, насколько возможно, избежать оценочных суждений. Не будет и комментариев частных мнений и взглядов. Но скомпоновать тематически то, что прозвучало на конференции, придать сказанному целостность нужно для удобства читателей. Представляется, что по отношению к выступавшим это не будет произволом: в материалах, которые были представлены на конференцию, они поступили подобным образом.

Участие в конференции принимали ученые, преподаватели высших учебных заведений, общественные деятели Владивостока, Хабаровска, Сахалина, Москвы и Китая, генеральный консул Японии во Владивостоке Акира Такамацу. Речь шла о наболевшем: об отношениях России с Китаем, Японией, США на Дальнем Востоке.

Состав участников конференции был таков, что сомневаться в их компетентности не приходится — все они профессионально занимаются международными отношениями, имеют публикации по различным их аспектам. Но вот что интересно: каждый из них вынес на обсуждение совершенно определенный вопрос. Мог бы говорить, наверное, и о чем-то другом, связанном с территориальными спорами, но говорил именно об этом. Значит, именно это и считал самым важным, прежде всего относящимся к делу. А поскольку, как известно, люди видят то, что хотят видеть, то каждый выразил таким образом собственное видение проблемы.

Обычно в такой ситуации либо возникают бурные споры, либо участники погружаются в состояние равнодушного присутствия. Ни того, ни другого не было на конференции. Пожалуй, лишь в двух случаях обсуждение перешло в дискуссию: когда генеральный консул г. Акира Такамацу заявил о территориальных претензиях Японии к России, и по поводу результатов опроса общественного мнения относительно мирного договора с Японией и Курильских островов, с которыми ознакомил участников конференции Е.А. Пласкен. Чаше, однако, заинтересованность выражалась в вопросах, в том, как слушали друг друга, и, может быть, еще более в уважении чужой позиции. А она, как оказалось, возможна даже в рамках официального мнения. Отсутствие дебатов, считавшихся еще совсем недавно неотъемлемым элементом научного общения, примечательный факт. Он свидетельствует о формировании новой культуры общения. Разумеется, в этом не последнюю роль сыграла та форма проведения конференции, которую выбрали ее организаторы: она была открытой для публики, но не была многочелюдной. Замысел организаторов состоял не в поиске «правых» и «виноватых» и не в том, чтобы, как отметил ректор МГУ им. Г.И. Невельского **В.И. Седых**, заниматься ревизией, а в том, чтобы «вместе найти решение, которое сможет удовлетворить все стороны». Это создавало определенное настроение — деловое, спокойное.

Однако конференция показала, что даже при желании найти общий язык и при стремлении к взаимопониманию нелегко отказаться от существующих языковых стереотипов и штампов. Они привычны, удобны, и мы их часто используем, совсем того не замечая. Мысль о том, что необходимо воздержаться от употребления терминов противостояния, не случайно прозвучала в приветственном слове ректора Морского государственного университета. И нужно отдать должное участникам конференции: они старались избегать тех штампов, в которых обычно осмысливается территориальная проблема.

Поэтому «территориальная проблема» и «территориальный спор» — разные вещи. Если «проблема» — это, по определению, вопрос, который может быть, пусть и в отдаленной перспективе, решен, а, следовательно, имеет смысл искать пути его решения, возможно при сотрудничестве заинтересованных сторон, то, обозначая отношения между странами по поводу территорий термином «спор», мы придаем им такое значение, при котором «сотрудничество» уже становится невозможным. Ибо по логике «спора» можно лишь «соперничать», а не «сотрудничать». Там, где «спор», там неизбежны и «конфликт», «угроза», «защита», «победитель» и «побежденный» и т. д. Не случайно г. Акира Такамацу обратил внимание участников конференции на то, что признание именно «проблемы в отношениях между Россией и Японией» свидетельствовало бы об изменениях в российском менталитете.

Материалы, представленные на конференцию, позволяют судить о том, насколько нелегко отказаться от некоторых привычных слов, а значит, и от привычного видения мира,

алгоритмов мышления и поступков. От тех слов, видения и поступков, посредством и в рамках которых разрешить территориальные вопросы не удавалось.

Вполне естественно, что отказаться от стереотипов и штампов гораздо легче, когда обсуждаются общие теоретические вопросы — особенности современных международных отношений, состояния этнического самосознания и общения, возможные и оптимальные формы и способы разрешения международных проблем, чем когда речь идет о конкретных отношениях: русских и китайцев «на улице за окном», России (живых сахалинцев и курильчан) и Японии (по поводу вполне реальных островов), России (рыбаков) и США по поводу морских границ. И, разумеется, свою роль играет фактор территориальности: из Москвы все видится несколько иначе, чем из Владивостока, Хабаровска, с Сахалина. Это можно понять, особенно, если учесть отмеченную **А. Д. Дикаревым (Москва)** характерную черту межэтнического общения — наличие в нем одновременно двух фундаментальных, противоположно направленных ориентаций: стремление к открытости, сотрудничеству и ощущение угрозы для национальной идентичности, возрастающее в условиях переживания нацией системного кризиса.

Стоит ли говорить, что «системный кризис» переживается в провинции острее, чем в столице? Нужно ли объяснять, что угроза чувствуется на окраине сильнее, чем в центре?

Но именно поэтому в провинции так хорошо осознается, что общение вообще и между народами в частности во многом зависит от соотношения, баланса этих стремлений в тот или иной момент времени. По мнению **Н.С. Никитенко (Хабаровск)**, сегодня в отношениях между странами особое значение приобретает желание сотрудничать.

В контексте современных международных отношений одной из перспективных форм сотрудничества стран является неправительственный диалог. Его предметом, полагает **С.В. Севастьянов (Владивосток)**, могут быть как экономические вопросы, так и проблемы безопасности, в том числе и такие, к обсуждению которых в официальном формате государства еще не готовы. Особую роль в неправительственном диалоге играют научные сообщества и многостороннее научное исследование этнических, психологических, политико-экономических различий стран-соседей, препятствующих развитию сотрудничества. Уже сами по себе совместные исследования в рамках неправительственного диалога вносят вклад в формирование чувства региональной общности, привлекают внимание к проблемам региона, однако возможности этой модели международного сотрудничества ограничены. Неправительственный диалог нуждается в поддержке со стороны государств. Он не станет магическим средством разрешения конфликтов, в том числе и территориальных, но может быть практическим средством по выработке правил и норм межгосударственных отношений.

О необходимости сотрудничества правоохранительных органов, общественных организаций и ученых говорил и **А.М. Иванов (Владивосток)**. Он указал, что одним из негативных следствий глобализации является «транснациональная», или межгосударственная, преступность, которая по степени организованности опережает развитие сотрудничества правоохранительных органов и часто становится скрытым фактором территориальных споров и пограничных конфликтов. От их урегулирования зависит решение проблемы безопасности государств.

О.О. Хандогин (Владивосток), рассматривая трансграничные конфликты, территориальные споры как конкуренцию сторон по поводу власти, отметил, что наиболее распространенным способом их разрешения является применение вооруженных сил и что территориальная проблема может существовать в латентной (скрытой) форме, внешне прикрытая двусторонним договором. В связи с этим встает проблема ответственности политических сил за пассивность, проявляемую в конфликтных ситуациях.

А.Ю. Плотников (Москва) обратил внимание на практическую значимость используемых при решении международных проблем понятий. Он подчеркнул, что понятия международного права должны соответствовать реалиям, и отметил практическую значимость понятия «государственный суверенитет» как критерия при решении территориальных споров. Его размывание или замена понятием «гуманитарное право» не только не обоснованны, ибо государства сегодня продолжают защищать (отстаивать) свой «территориальный суверенитет», но и грозят дезорганизацией, следствием которой являются войны.

Мысль о необходимости точного определения таких понятий, как этнос, этническое самосознание, национальный менталитет, нашла продолжение в докладе **А.Г. Шатковского (Владивосток)**, подчеркнувшего, что в противном случае становится возможным конструирование этнических общностей по произволу государства.

Основное внимание участники конференции уделили взаимоотношениям стран Азиатско-Тихоокеанского региона и России. В докладе **А.В. Лукина (Москва)** отмечалась уникальность взаимоотношений между Россией и Китаем, которые никогда не находились в состоянии войны друг с другом, хотя пограничные проблемы между ними существуют со второй половины XVII в. Ряд проблем возник в 1991 г. в связи Соглашением о государственной границе СССР и Китая на ее восточной части. В соответствии с этим Соглашением линия границы была уточнена и обозначена практически на 99% всей ее протяженности. Однако оно было заключено в обстановке поспешности и из-за невнимательности к деталям недостаточно учитывало российские интересы на реках Аргунь и Амур. Территориальные потери России были таковы, что началась кампания против передачи территорий, контролируемых Россией, Китаю. Эта кампания была во многом спровоцирована в политических целях администрациями Хабаровского, Приморского краев, Еврейской АО. В прессе появилось множество статей

о катастрофических последствиях передачи Китаю российских территорий и «злокозненности» Китая, о том, что передача участков земли по берегу р. Туманной даст Китаю выход к морю, возможность построить морской порт, провести железную дорогу через Казахстан в Европу, а это чуть ли не уничтожит всю экономику Дальнего Востока. В процессе последующих переговоров, отметил г. Лукин, Китай благоразумно согласился на компромисс, и исчезла даже теоретическая возможность того, что Китай получит односторонний контроль над судоходством на р. Туманной. Россия оставляла у себя некоторые территории, вызывавшие наибольшие споры, в том числе в Ханкайском и Хасанском районах. В 1999 г. были подписаны межправительственные протоколы, содержавшие описания линии российско-китайской государственной границы на ее восточной и западной частях. Это означало полное решение всех вопросов, связанных с прохождением государственной границы между Россией и КНР за исключением несогласованных участков, т. е. о-вов Тарабаров и Большой Уссурийский у города Хабаровска и о-ва Большого на р. Аргуни. Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. стал показателем нового уровня российско-китайских отношений, закрепил взаимопонимание по вопросам границы. В договоре закреплено положение об отсутствии взаимных территориальных претензий и отмечена решимость превратить российско-китайскую границу в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение. Подтверждением реальной возможности сотрудничества России и Китая, по мнению А.В. Лукина, является деятельность ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), направленная на борьбу с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, многостороннее сотрудничество в политической, экономической и культурной областях. Эта организация интересна тем, что развивается от конкретной двусторонней практики к более широкому многосторонним формам. В нее входят Россия и Китай, но не входят США. Но «развитие российско-китайского конструктивного партнерства не направлено против интересов какой-либо страны или группы стран, оно не означает и не может означать создания какого-то блока или альянса. И Китай, и Россия заинтересованы в сотрудничестве с США. Они отстаивают идею «многополярного мира». А.В. Лукин полагает, что опыт государств-участниц ШОС дает важнейший в мировой истории пример конструктивного решения пограничных проблем, после которого становится возможным многостороннее сотрудничество по широкому спектру вопросов.

Аналогичную оценку опыту разрешения пограничных споров между Россией и Китаем дал в своем выступлении доктор права **Лю Цинцай (Китай)**, который считает, что для разумного разрешения территориальных споров достаточно и принципов международного права, и средств. Ключом к их разрешению является и обсуждение вопроса об их происхождении. Причинами территориальных споров могут быть колониальное господство, отсутствие четкого определения границы и пограничного договора в прошлом, изменение границ из-за войны, захват территории по неравноправным договорам. И развитие самого международного права, которое требует установления суверенитета островов, материковых выступов, специальных экономических районов, может создавать проблемы. Поэтому г. Лю Цинцай подчеркнул, что при решении территориальных проблем необходимо проводить четкую грань между правдой и неправдой об истории, исходить из принципов мирного сосуществования, руководствоваться правилами дружественного согласования, принципами равенства, взаимной выгоды, справедливости и рациональности, взаимного понимания и взаимной уступчивости. В этом плане разрешение пограничных проблем между Россией и Китаем может быть принято в качестве образца. В заключение г. Лю Цинцай выразил надежду, что китайско-русские границы будут мирными и безопасными, а между нашими странами будут развиваться дружественные добрососедские отношения.

Так видятся отношения между Россией и Китаем на Дальнем Востоке из Москвы (г. А.В. Лукин) и Цилинского университета КНР (г. Лю Цинцай). А вот из Владивостока и Хабаровска становятся заметны нюансы и значимы более частные акценты российско-китайских отношений. Во-первых, хотя демаркация границы на реках Аргуни и Амуре и отложена на неопределенное время, остается актуальным вопрос о наличии каких-либо оснований у российской и китайской сторон для перенесения линии границы, проведенной по Амурской (Казакевичева) протоке более 140 лет назад. Если решение вопроса зависит от того, являются ли «проблемные» острова частью поймы Амура или дельты Усури, то **А.Н. Махинов (Хабаровск)**, дополнив географические критерии анализом происхождения, динамикой островов, учитывая их возраст, приходит к выводу: оснований для перенесения линии границы нет.

Во-вторых, отношения с Китаем, да и не только с ним все-таки вызывают определенное беспокойство. Как отметил **Б.И. Ткаченко (Владивосток)**, в настоящее время в руководстве Китая доминируют умеренные и осторожные политики-прагматики, и в ближайшее время Китай не будет предъявлять нам дальнейших территориальных претензий. Однако в перспективе следует учитывать не только благоприятные для нас сценарии внутривосточного развития Китая. Ведь при сохранении нынешних высоких темпов экономического развития Китай может в ближайшее десятилетие превратиться в мировую сверхдержаву, и тогда достаточно вероятно, что он начнет разговаривать с Россией с позиции силы и будет решать свои внутренние проблемы за счет внешней экспансии. Тем более, что уже в настоящее время в условиях экономической конкуренции и при отсутствии механизма коллективной безопасности в АТР Дальний Восток, богатый природно-сырьевыми ресурсами, имеющий важное военно-

стратегическое положение, является, по мнению дальневосточного ученого, «объектом масштабной и многоплановой экспансии сопредельных стран». Реальные угрозы безопасности России на Дальнем Востоке обусловлены колоссальной разницей демографических, экономических, научно-технических потенциалов России и сопредельных государств. Особенно Китай, который учитывает в своей политике, что Россия в силу переживаемых внутренних трудностей временно утратила возможность оказывать решающее влияние на развитие политической и военной обстановки в АТР. Поэтому г. Ткаченко полагает, что проект «стратегического партнерства в XXI веке России и Китая» — это «...фантазия, в соответствии с которой, однако, экономика Сибири целенаправленно переориентируется на обслуживание интересов развития экономики Китая, а экономика Дальнего Востока целенаправленно умерщвляется». В этом контексте проникновение и оседание на Дальнем Востоке лиц китайской национальности представляется экспансией, а территориальные уступки Китаю — проверкой России на прочность. В связи с этим докладчик вновь обратил внимание участников конференции на Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской границе 1991 г. Он подчеркнул, что в соответствии с Соглашением Китаю отошли территории, исторически никогда не принадлежавшие этой стране, возникает экологическая угроза озерам Хасан и Лебединое, Приморье и Дальний Восток лишаются имеющих важнейшее геостратегическое и экономическое значение участков в Хасанском районе. Б. Ткаченко еще раз подчеркнул, что особую опасность для Приморского края представляет возможное строительство Китаем порта на р. Туманной: Россия будет исключена из евроазиатского пути, наши порты останутся без работы, возникнет новая система связей между Китаем и Японией. В итоге выигрывают Китай, Япония, Республика Корея, Монголия. И только Россия проиграет во всех отношениях — в экономическом, политическом, военном, моральном. Соглашение 1991 г., таким образом, не только не отвечает национальным интересам России, но сомнительно в международно-правовом отношении.

Примечательно, что, хотя, по мнению А.Г. Шатковского, язык, а не территориальность является в Приморье определяющим фактором этнического самосознания, однако территориальная близость или отдаленность проживания участника конференции от границ с Китаем (и Японией) все-таки задает определенный ракурс видения отношений между Россией и этими государствами. Это не означает принципиального различия позиций участников конференции, речь идет лишь об акцентах. Их расстановка, возможно, как-то связана еще и с теми факторами, которые создают проблемы в межкультурной коммуникации китайцев и русских на приграничных территориях, выявленные в результате опросов общественного мнения. С ними участников конференции ознакомил А.Д. Дикарев (Москва).

Он отметил, что большинство россиян сомневаются в реальности курса на стратегическое партнерство, закрепленного на уровне руководства стран, и хотя китайского нашествия не боятся, но настороженность и недоверие к Китаю, подозрение, что китайская психология сегодня — это психология богатого соседа, стремящегося поживиться за счет неудачливого односельчанина, существуют. Об отношении народов друг к другу, их готовности к общению и способности к взаимной адаптации говорит, например, их отношение к изучению языка. В этом плане активность китайцев в освоении русского языка, их искреннее и непосредственное стремление к взаимопониманию резко контрастирует с преубеждением многих русских к китайскому языку, которое оправдывается сложностью этого языка. В общении китайцев и русских существуют и этнопсихологические проблемы: около 20% опрошенного русского населения выражает резко отрицательное отношение к приезду китайцев в Россию, хотя указать конкретные причины не могут. Раздражение часто вызывают высокие заработки китайцев, при этом прекрасно понимая, что китайцы добиваются их упорным трудом, люди все-таки считают высокие заработки пороком китайцев. Приходится констатировать, что в общественном сознании дальневосточников при расширении контактов с китайцами необоснованная неприязнь не убывает, а сохраняется.

Сложности в межкультурной коммуникации, полагает г. Дикарев, во многом связаны с пережитками уравнилельной психологии и ксенофобии, ложно понятой «национальной безопасностью», догматическим представлением об «угрозе», незрелостью гражданского общества в России. Вследствие этого демографический аспект межэтнической коммуникации искусственно политизируется и создается миф о продолжающейся китайской экспансии на Дальнем Востоке. Отмечая различие и дисбаланс демографических потенциалов Дальнего Востока России и Китая, оратор указывает, что массовый приход китайцев в Россию на постоянное местожительство маловероятен в силу ряда причин, но в условиях рыночной экономики обмен людскими и материальными ресурсами объективно неизбежен. Более того, контролируемая трудовая миграция является благом для России. И поэтому, «как это ни парадоксально, но чтобы стать полноценно развивающейся российской территорией, Дальнему Востоку придется стать «менее русским» по национальному составу».

Возможно, в основе беспокойства дальневосточников лежит то, что, по словам Е.А. Плакшена (Владивосток), во внешней политике России не обозначены четко доктрина и стратегия по глобальным проблемам АТР, нет реальных программ разрешения двусторонних проблем?

Одна из них — вопрос о Курильских островах. Определенную сложность создает невозможность решения вопроса о Курильских островах с точки зрения их принадлежности России или Японии в исторической ретроспективе. Он еще более осложняется отсутствием четких формулировок соответствующих международных документов, вследствие чего возникают

различные интерпретации, аргументы и контраргументы заинтересованных сторон. И, разумеется, не последнюю роль играют интересы, цели, фактор выгоды. Все это и создает ситуацию, в которой каждая из сторон не только должна, но и может отстаивать свою позицию, свои права на острова. При этом как-то забывается, что сила действия равна силе противодействия, тяжба между Россией и Японией, даже если оставить в стороне участие в ней других стран, обрастает все новыми обстоятельствами, которые отнюдь не упрощают проблему.

Естественно, что наиболее остро проблема Курильских островов переживается на Сахалине. Настороженность и беспокойство жителей Сахалина, по мнению **С.А. Пономарева (Сахалин)**, вызывают военный потенциал Японии и ее внешнеполитическая позиция, которую в территориальном споре определяют три фактора: идеология реваншизма, японское «экономическое чудо» и военная политика, ориентированная на «создание системы быстрого и эффективного отражения любой попытки нарушения территориальной целостности страны». На основании этого и возникает опасение, не перейдет ли Япония от внешнеполитических наступательных, но невоенных средств к военным средствам решения вопроса о Курильских островах? Пономарев не исключает возможности такого развития событий, когда Курильские острова будут насильственно присоединены к Японии. Еще одним поводом для беспокойства сахалинцев и курильчан являются политические и дипломатические действия России, которые не отвечают интересам национальной безопасности, целостности и неприкосновенности территории страны. Это принятие ряда документов, касающихся вопросов сотрудничества с Японией в области морских живых ресурсов и проблемы мирного договора с Японией, непосредственно связанного с ее территориальными притязаниями. Его обсуждение представляется сегодня Пономареву, как и многим другим, бессмысленным. Гораздо более актуальны переговоры о заключении комплексного договора о добрососедстве, сотрудничестве между нашими странами с отказом сторон от территориальных притязаний.

«Отказ сторон от территориальных притязаний» — это, разумеется, тоже вариант решения проблемы, причем, судя по опросам населения о заключении мирного договора с Японией и о Южных Курилах, результаты которых приведены в докладе **Е.А. Плаксена**, вариант, отражающий мнение достаточно большой части населения. Так, наиболее популярными вариантами решения проблемы являются: «история вопроса не имеет значения, сейчас острова принадлежат нам и отдавать их не следует» (35% опрошенных); «жили без мирного договора больше полувека и еще проживем, острова наши, не отдавать!» (26%). Такое мнение высказывают люди разных возрастов, чаще мужчины, малоимущие, с минимальным образованием, военнослужащие, рабочие, пенсионеры. Наименее популярными являются такие варианты решения проблемы, как «установить совместное владение и управление островами — condominium» (2%); «острова использовать совместно под юрисдикцией Японии» (1%); за возвращение островов Шикотан и Хабомаи высказываются не более 1%; за передачу Японии островов Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи — 0,5%; возвращение Японии группы островов Хабомаи поддерживают 0,4% опрошенных. В целом это люди разных возрастов, имеющие высшее образование, часто ученую степень, руководители новых экономических структур, эксперты, непроизводственная интеллигенция, сторонники партии «Яблоко», СПС. Анализируя распределение ответов на вопрос о Южных Курилах, г. Плаксен отметил глубокое противоречие российского общества между желанием заключить мирный договор с Японией и инерцией общественного мнения. О перспективах обсуждения и разрешения проблемы убедительно свидетельствует то, что за сохранение статус-кво высказывается почти 3/4 опрошенных, а за различные варианты, устраивающие в той или иной степени японскую сторону, — 9%.

В.С. Гапоненко (Владивосток) считает, что анализ результатов анкетирования, участниками которого были студенты высших учебных заведений, опровергает гипотезу о том, что молодое поколение россиян-дальневосточников готово поддержать требования Японии о передаче Южно-Курильских островов. Для большинства опрошенных проблема российско-японского территориального спора является значимой. Студенты интересуются вопросами, связанными с территориальным спором, при этом четвертая часть опрошенных проявляет интерес часто (24%), а две третьих (69%) время от времени. Интерес проявляется активно, но не является агрессивным по отношению к Японии. Несмотря на готовность студентов принять участие в акциях общественного протеста против требований Японии («за» высказались 54% опрошенных), лишь 25,5% сделает это при условии, что у них не будет других срочных дел. Опрошенные знают об истории освоения Южно-Курильских островов и о генезисе территориального спора. При этом 45% опрошенных считает острова наградой СССР за победу во второй мировой войне, а 42,5% — исконно российскими землями. Кроме того, студенты знают о существовании других территориальных споров России с сопредельными странами. Отмечается тенденция к большей осведомленности о наличии территориальных разногласий, существующих в дальневосточном регионе (69% знает о пограничных разногласиях с Китаем) и к снижению этого показателя в отношении территориальных разногласий в европейской части страны. Несмотря на усталость населения Приморского края РФ от частых выборов (за последние 5–6 лет жители ПК участвовали в процедуре голосования около 40 раз), только 10% опрошенных выразило нежелание принять участие в возможном референдуме по вопросу передачи Южно-Курильских островов Россией Японии, хотя обычно активность молодежи при проведении голосований не превышает 25%. Абсолютное большинство опрошенных (88%) высказалось против передачи островов и только 2% — за передачу. Высказавшиеся

против передачи Южно-Курильских островов Японии считают, что в отношении островов либо все должно остаться как есть (56,5%), либо необходимо реализовать взаимовыгодные экономические проекты, но под юрисдикцией России (38,5%), потому что у России есть историческое право на владение островами (63%). Гапоненко отмечает, что студенческая молодежь действительно не имеет негативных стереотипов в отношении Японии — 45,5% опрошенных относятся к Японии скорее положительно, а 48,5% — нейтрально. Хотя опрошенные считают, что инициатором территориального спора выступает правительство Японии (73%) и ее ответственность (20%), большинство из них хотят побывать в этой стране и установить дружеские отношения со сверстниками (80,5%). Поскольку результаты опроса владивостокских студентов имеют высокую корреляцию с результатами подобных опросов в Южно-Сахалинске, Хабаровске и Магадане, можно с некоторыми допущениями обобщить полученные данные как срез общественного мнения студенческой молодежи Дальнего Востока.

Вообще же, по мнению **Б.И. Ткаченко (Владивосток)**, существует несколько возможных вариантов решения проблемы Курильских островов: они остаются территорией России или передаются (дарятся) Японии, или, если будет подписан мирный договор с Японией, острова могут стать территориями, находящимися под международным управлением де-юре. В этом случае территории будут объявлены совместным владением (кондоминиумом) 48 стран, подписавших Сан-Францисский мирный договор, и России, но за исключением Японии. Однако спустя 58 лет после окончания войны проблема заключения двухстороннего мирного договора для России не имеет практического значения и прагматического смысла. И сегодня позиции Японии и России в вопросе о принадлежности ряда островов Южно-Курильской гряды слишком разнятся, что не позволяет вести взвешенный диалог, а потому, полагает Б.И. Ткаченко, решение вопроса следует отложить на более отдаленную перспективу. Пока же следует исходить из того, что эти территории отошли к СССР по итогам второй мировой войны. Курильские острова были изъяты у государства-агрессора — Японии — в качестве меры наказания за агрессию и для укрепления безопасности границ СССР на западе и на востоке. И хотя при подведении итогов мировой войны в советско-японских отношениях осталась юридическая незавершенность (не заключен мирный договор, не сведены воедино решения Ялтинской и Потсдамской конференций по дальневосточным проблемам и соответствующие статьи Сан-Францисского мирного договора), но в комплексе Ялтинские и Потсдамские договоренности «большой тройки» (СССР, США и Великобритания) и Сан-Францисский мирный договор, отметил г. Ткаченко, обеспечивают права Советского Союза (России) на Южный Сахалин и Курилы, поскольку как решения Ялты и Потсдама по дальневосточным проблемам, так и Сан-Францисский мирный договор сохраняют свою юридическую силу. Согласно Сан-Францисскому мирному договору Япония в настоящее время не имеет никаких прав ни на Южные Курилы, ни на Северные Курилы, ни на Южный Сахалин. Она также не имеет права и в будущем предъявлять претензии на эти утраченные ею территории.

Анализируя развитие территориальной проблемы, г. Ткаченко указал на то, что она возникла в межгосударственных отношениях Японии и России в середине 50-х годов, причем под сильным нажимом Соединенных Штатов Америки. До этого считалось само собой разумеющимся, что Курильские острова и Южный Сахалин принадлежат Советскому Союзу, хотя это не было должным образом юридически оформлено как двусторонний договор. Свою лепту в осложнение территориальной проблемы внесла Декларация 1956 г., в которой Советский Союз, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы Японского государства», т. е. в качестве жеста доброй воли, обещает передать (а не возвратить) Японии принадлежащие СССР острова Хабомаи и о-в Шикотан после заключения мирного договора. Этот договор не был, однако, заключен.

Не осталась на конференции без внимания и проблема разграничения морских пространств между Россией и США. Взгляд рыбаков на эту проблему нашел отражение в докладе **В.К. Зиланова**. Он указал, что в результате ряда договоров и соглашений с США Советский Союз (Россия) постепенно терял важные в рыбопромысловом отношении морские акватории в Беринговом море. Это привело к ущемлению рыболовных интересов России. Разграничение морских пространств осложняется тем, что в этих районах 200-мильные зоны России и США накладываются и перекрываются. Рассматривая альтернативные варианты решения проблемы — разграничение 200-мильных зон по срединной линии, сохранение в Чукотском море, Ледовитом океане линии Конвенции 1867 г., — г. Зиланов предлагает создать независимую авторитетную парламентскую комиссию, состоящую из специалистов-экспертов, для анализа положений Соглашения 1990 г. и выяснения их соответствия экономическим и политическим интересам России. В докладе подчеркивается равная заинтересованность США и России в том, чтобы договоренности по разграничению акватории, экономических зон и континентального шельфа в Беринговом, Чукотском морях и Северном Ледовитом океане были бы справедливыми, соответствовали международному праву и отвечали национальным интересам обеих стран.

И, наконец, следует отметить, что от обсуждения теоретических проблем участники конференции перешли к рассмотрению проектов практического международного сотрудничества.

Л.Б. Чернышева (Владивосток) поставила вопрос о целесообразности создания международного американо-советского парка в районе Берингова пролива с охватом территории

Чукотки и Аляски. Детально рассмотрев экономические, военные, политические, правовые основы и последствия осуществления этого проекта, г. Чернышева приходит к выводу о том, что создание парка совместно с США противоречит основам Конституции России, ее военным, политическим и экономическим интересам. Более того, она считает, что для осуществления этого проекта не только нет «конкретных причин», но в случае «создания такого парка возможна потеря Чукотки для России». Однако, воспользовавшись некоторыми результатами, полученными в процессе проработки осуществления проекта международного парка, можно попробовать, считает Л.Б. Чернышева, создать Российский национальный природно-этнический парк на п-ве Чукотка, целью которого должно стать «соединение в одно целое охраны окружающей среды и жизнедеятельности человека».

Вниманию участников конференции был предложен еще один проект международного сотрудничества, учитывающий, что освоение биоресурсов нередко создает проблемы в межгосударственных отношениях России, Японии, Китая, Южной Кореи. С.А. Огай (Владивосток) отметил, что сама «невозможность разъединения биоресурсов по линиям государственных границ, всеобъемлющий характер воздействия на экосистемы», различия в уровне научного развития стран региона и объемы финансовых затрат для осуществления проектов по управлению окружающей средой предполагают международное научно-техническое сотрудничество. Определенный опыт международного сотрудничества в сфере охраны и управления окружающей средой в настоящее время уже существует. На Дальнем Востоке имеется научный потенциал для развития мультидисциплинарных исследований. И сегодня очевидно, что есть не только предпосылки, но и настоятельная потребность в региональной организации, которая могла бы координировать осуществление международных программ управления окружающей средой. В связи с этим предлагается создать Центр исследовательских программ управления окружающей средой островных территорий Северотихоокеанской зоны. С.А. Огай пояснил, что Центр должен быть структурой, которая способствовала бы решению ряда социальных, экологических и политических проблем в Северотихоокеанской зоне, в которую входит и Дальний Восток России. Необходимость создания Центра связана, с одной стороны, с существующей сегодня сложностью, длительностью процедур согласования и выдачи разрешений на проведение международных научных исследований. А с другой — с тем, что сегодня отсутствует полноценная, постоянно функционирующая научная база, с помощью которой можно было бы реально обеспечивать реализацию комплексных и мультидисциплинарных научных проектов в районе Курильских островов.

Осуществление этого проекта, как, впрочем, и проведение мероприятий, подобных состоявшейся конференции, разумеется, требует поддержки — и моральной, и материальной — со стороны представителей органов власти и бизнеса. О готовности поддержать проект заявили не только ученые, но и эксперты, представители Тихоокеанского флота России и Тихоокеанского регионального управления ФПС России. Первая научно-практическая конференция, прошедшая в Морском государственном университете им. Г.И. Невельского, убедительно показала, что если такие реальности, как границы и территории, обсуждать спокойно и деловито, без споров, то появляются возможности для преодоления конфронтации. И, судя по тому, с каким интересом был встречен проект создания Центра, способного координировать международное сотрудничество, можно, пожалуй, сделать вывод о том, что желание сотрудничать есть. В качестве одного из официальных итогов конференции можно считать заявление о создании в рамках проекта «XXI век: сотрудничество и развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе без территориальных споров» постоянно действующего международного координационного комитета. Задачей его станет организация международных проектов на уровне народной дипломатии. По замыслу участников конференции в него должны войти в качестве постоянных членов представители от неправительственных организаций из вовлеченных в территориальные споры стран Азиатско-Тихоокеанского региона и в качестве наблюдателей представители из других заинтересованных стран.

Диалог о «территориальных спорах» был первым опытом, который требует продолжения, ибо, как выяснилось, людям есть о чем сказать друг другу, и, главное, они хотят и могут услышать друг друга. А потому «неправительственный диалог о территориальных спорах» — это больше, чем только предварительное условие их разрешения, это опыт преодоления недоверия и закрытости, следствием которых неизбежно становится конфронтация.

В.С. ГАПОНЕНКО, зав. НИЛ культурной антропологии МГУ им. адм. Г.И. Невельского,

Е.А. КУЛИКОВА, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник НИЛ культурной антропологии МГУ им. Г.И. Невельского

Summary. Scientific researchers of the Naval Academy by Nevelskoi V. Gaponenko and E. Kulikova in the report «Dialogue on «Discussions» tell about the scientific conference «Non-Governmental Dialogue on Territorial Dispute in the Pacific Region». The participants of the conference consider this discussion to be very useful and took a decision to continue it in the future.